

[Polaris]

СЕРГЕЙ РЕССЕР

ДЕШНЙ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ СКАЗКА-ПОЭМА

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCCLXIX

Salamandra P.V.V.

**Сергей
РЕССЕР**

ЛЕШИЙ

**Фантастическая
сказка-поэма**

Salamandra P.V.V.

Рессер С.

Леший: Фантастическая сказка-поэма. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2020. — 50 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCCLXIX).

«Леший» неизвестного писателя Серебряного века Сергея Рессера — символистская проза, повествующая о любовных страстях лешего и тягостном бунте лесного существа против собственной природы.

СВРГЪЙ РЕССЕРЪ

ЛЪШІЙ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ

СКАЗКА-ПОЭМА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1910

ЛЕШИЙ

*Посвящается Анне Сергеевне В****

Мне шепчут печальные ивы
Старинную сказку любви,
А солнце так грустно красиво
Заходит в туманной дали...
И веет забытой печалью,
И веет невнятной тоской,
И сумерек нежной эмалью
Сменился закат золотой.

А. Гофман

ПРОЛОГ

Свет лампы, а в особенности с красным абажуром, всегда располагает к мечтательности... Эти дрожащие тени, блуждающие по стенам и мебели, более темные пятна, лежащие по углам, все это располагает к какой-то непонятной, тревожной истоме... И сама мечтательность какая-то тревожная... Пробуждается и мысль и душа... Нервы и слух становятся чуткими к малейшему шороху, к малейшему колебанию атмосферы.

В камине потрескивают дрова, и этот треск, усиливающийся с завыванием ветра в дымовой трубе, еще больше экзальтирует возбужденность. Присматриваясь к горящим дровам, начинаешь следить за происходящей с ними постепенно переменой... Словом, становишься наблюдательным, и эта наблюдательность переходит в конце концов в самую безнадежную сентиментальность.

Тепло и уютно...

Мне вспомнились теперь такие вечера. Вспомнились те тихие монотонные беседы, навевающие на душу ту же монотонность, вспомнились и участники этих бесед... Все это была молодежь... При другой обстановке резвая и жизнерадостная, она в такие вечера перерождалась, обновлялась... Эти минуты смело можно было назвать минутами, когда в каждом просыпается аналитическое чутье, критика всего, что до сих пор миновало, благодаря мелочности, наблюдательности.

Однако не всегда так было. Случалось, что, собираясь по вечерам у камина, мы сохраняли в себе частицу жизнерадостности, и эта жизнерадостность проявлялась в негромком, но искреннем смехе над каждым пустяком, в сдержанных, но веселых перебрасываниях

каламбурами и остротами.

Самым любимым нашим занятием было рассказывать, рассказывать без подготовки, экспромтом. Да, я, пожалуй, не ошибусь, если скажу, что это занятие было действительно для нас самым любимым, самым приятным.

Я люблю сказки... Люблю до наивности... Люблю не потому, что хочу подделаться под шаблон, вставивший сказку в рамки воспитательного смысла и значения, люблю не потому, что слежу за пороком и добродетелью, этими принципами, которые так рельефно до приторности оттеняет сказка, а просто потому, что в сказке, по-моему, можно гораздо больше применить художественности и красоты...

Я люблю сказку еще потому, что люблю бесконечность мысли... Люблю ее фантазию, неограниченную, свободную... Люблю эту мысль уже в ту минуту, когда она только начинает развиваться. Какой простор для нее!.. Вперед ли, назад, она всегда найдет себе выход. Ей не нужно ни строгой логики, ничего... Вольная, как птица, она с легкостью и изворотливостью уносится в пределы самого невозможного и, стройно формируясь, раскрывает перед нами чудный, таинственный мир... Сказке не страшны условности. Она анархистка, разрушает все преграды нашего ограниченного понимания... и я люблю ее за это.

Впрочем, не я один. Мы все любили сказки. И, рассказывая их, мы старались избегать обыкновенно неизбежной морали. Нас занимала таинственность содержания и та художественность, с которой это содержание излагалось. Если в те минуты в нас обострялась чувствительность, то эта чувствительность была эстетическая. Мы были эстетики.

Никто никогда не отказывался от своей очереди. И в смысле этой очереди у нас существовали строгие обя-

занности.

Я собрал эти сказки... Собрал на память, наизусть. Многое упустил, многое добавил. И, делая добавления, я не чувствовал угрызений совести. Ведь это сказка. Мысль — бесконечная, беспредельная...

Не знаю, придется ли читателям познакомиться со всем имеющимся у меня материалом, но пока я ознакомлю с одной из них, с одной из собранных у меня сказок.

Ее рассказал нам один из нашей компании, мастер по этой части. Рассказал в один из пасмурных декабрьских вечеров, в то время, когда на дворе была метель... Это подходило к настроению, вот почему, мне кажется, эта сказка глубже всего запала к нам в душу, глубже всего проникла в нашу память. Отражает ли сказка настроение? Не знаю... Не берусь резюмировать этот вопрос. Если сказка — фантазия, то отражать она может только подвижность ума, подвижность мысли. Можно ли судить по сказке о характере рассказчика? — Не знаю...

Борич рассказывал нам столько сказок, и эти сказки так разнообразны, что, мне кажется, говорить о характере его не приходится.

Скажу, пожалуй, вкратце, что человек он был мрачный, часто задумывался... В его словах зачастую сквозила желчь, насколько остроумная, настолько же и необузданная... Роста он был высокого, собой некрасив. Словом, по натуре человек скрытный, но безусловно честный и правдивый, он нас интриговал, интриговал и своим прошлым и настоящим. Теперь он умер и, говорят, при странных обстоятельствах...

Итак, одну из своих сказок он назвал «Леший». Предлагаю пока именно ее.

ЛЕШИЙ

I

Были ли вы когда-нибудь в лесу ночью?.. В густом таинственном лесу? Ночью, когда все кругом тонет в беспросветном мраке, мраке холодном, леденящем?.. Ночью, когда этот лес полон дикого хаоса самых разнообразных звуков, мрак его, угрюмый и как бы предостерегающий, полон непонятного шелеста, полон страха и ужаса?.. Не приходилось?.. Жаль... Значит, вам не приходилось, несмотря на свою храбрость, переживать неожиданный перелом духа, перелом, заставляющий неверие перейти сразу в самую обыкновенную трусость, страх?.. Не приходилось бежать от этого страха, бежать так, как будто за вами гонятся все силы ада, вся преисподняя?.. Не приходилось ощущать дрожь в спине, в каждом потрескивании валежника видеть и слышать что-то необыкновенное, намеренное и осмысленное? Не приходила ли вам в голову мысль, что весь этот хаос звуков — жизнь? Что крики сов, жалобные и стонущие, посвистывание пересмешника, пронзительное и как бы диссонирующее всему остальному — жизнь. Что шелест деревьев, вековых дубов и лип, стройных берез и елей — жизнь, жизнь осмысленная, кипучая.

Я часто бывал в таком лесу... Бывал в самой его чаще... Искаживал сотни его тропинок, перепутанных, как нитки в клубке, десятки овражков и мелких болот. Забирался в самые отдаленные его уголки... Я искал сердце этого чудовища, сердце этого гигантского леса... Я знал, что у него есть сердце, знал, что в этом сердце прячется все, что живет ночью, прячутся феи и нимфы, безобразные сатиры, лесные духи, словом, весь тот

сонм необыкновенных существ, понятие о которых окружено среди нас, обыкновенных смертных, полупрозрачной дымкой таинственного тумана.

Итак, представьте себе такой лес... Лес, в котором есть сердце, лес дышащий, как мы с вами, живой... Представьте себе опушку его, редкую и холмистую, залитую белым светом выплывшей из облаков луны. Густые тени ложатся от деревьев на густую траву... на папоротник... Около опушки тянется дорога, простая проселочная дорога с глубокими ровными колеями, образовавшимися от недавних дождей... В стороне поле... И там, в этом поле, где-то далеко-далеко мелькают желтоватые огоньки из небольшой деревеньки...

Итак, опушка... Между редким кустарником, не скученным, а разбросанным по всему холму, пробирается чья-то темная фигура. Тень от этой фигуры каким-то странным безобразным пятном скользит по земле и изредка неподвижно останавливается. Останавливается, замирая, и как бы прислушивается... Наконец один из кустов раздвигается и странная фигура вместе со своею тенью стремительным прыжком появляется на дороге... Подозрительно оглядывается и, только удостоверившись, что все кругом спокойно, лениво потягивается и присаживается на пенёк. Странен и безобразен вид появившегося существа. Место открытое и луна освещает и пенёк и то, что, скорчившись, примостилось на этом пне... Стоит ли распространяться? Не достаточно ли будет определить это явление одним словом? Не достаточно ли будет сказать, что это леший, да, да, леший, леший такой, каким его представляет нам наше суеверие.... Впрочем, наше суеверие слишком односторонне, и представления, которые мы себе создаем порывом якобы фантазии, так же односторонни и неосновательны... Представляя себе ведьму, мы мысленно рисуем себе образ чего-то безобразного, фею пред-

ставляем себе чем-то идеально-прекрасным; лешего — чем-то средним между собакой и лошастью... Я с этим не вполне согласен. Не согласен, по крайней мере, в последнем случае, когда лешему присваивают, как сатиру, козлиные ноги и зад, вместо рук — копыта, вместо головы — собачью морду... Это неточно и, даже скажу больше, неправильно.

Существо, примостившееся на пне, был леший... Все туловище его, покрытое прядями шерсти, книзу заканчивалось ногами общечеловеческого формата, правда, несколько непропорционального, но все же человеческого... Несоразмерно длинные руки, мохнатые и тонкие, по своему виду напоминали руки обезьяны и, как у последней, были снабжены кистью и короткими неуклюжими пальцами... Голова лешего была большая. Вместо волос, на лоб ее свешивалась целая копна длинной перепутанной шерсти, почти скрывающей два коротких, широких, но острых рога. Лицо... (да, это было именно лицо, а не морда) лицо... было лицом сатира в смеси с тем выражением и построением, которое бывает у животных. От переносицы череп круто выгибался, образуя широкий, но длинный заостренный нос. Кости челюстей, в свою очередь, несоразмерно выгнутые вперед, переходили сверху в выпученные вперед по-животному губы, снизу в выдающийся острый подбородок с клочком длинной шерсти на конце.

Это, в сущности, настоящий образ лешего... Почему это именно так, вряд ли я сумел бы объяснить... Возможно, что, желая заставить лешего думать и говорить, я стараюсь придать ему образ именно человеческий, чтобы связать последнее понятие с понятием одушевленности и действительности. Не все ли равно...

Леший сидел на пне, поджав под себя ноги и подперев рукою подбородок. Сидел с видом раздумья и глубокомыслия... Изредка поворачивал голову, всматри-

ваясь в луну, изредка устремлял свой взор вдаль, туда, где виднелись огоньки деревни... Надо ли говорить о том, что такие существа, как леший, ведут жизнь одинокую, отшельническую... Предоставленный самому себе, человек углубляется в самого себя, анализирует свою душу и разум, становится мрачным и скрытным...

Почему же лешему, одаренному сверхчеловеческим чутьем, не быть философом, притом искренним?... Конечно, он философ.

Не философствует ли он в настоящую минуту, сидя с таким глубокомысленным видом на коротком пне? Может быть, хотя вряд ли это можно назвать философией... То, о чем думал леший, было скорее поэтично, чем прозаично. Он мысленно прощался со своими родными местами, с густым темным лесом, вскормившим его, со своей берлогой, затерянной среди непроходимых кустарников, с вековыми дубами, с елями, с опушкой и ее холмиками... Он прощался с каждой травкой, с каждой веткой... То, что он задумал, было нешуточным делом, делом, на обдумывание которого он потратил несколько лет. И вот теперь, когда наступила минута расставанья, ему взгрустнулось... Когда грустит человек, память, воскрешающая малейшие детали пережитого, работает с особенной отчетливостью. А леший пережил много, так много, что его память отказывалась вместить все воспоминания. И эти воспоминания, перепутанные, лишённые цельных форм, без запятых и точек, каким-то хаосом теснились в голове лешего. И тем грустнее становилось ему на душе... Он знал, что, прощаясь с родными местами, он обрывает последнюю, связывающую его с ними нить... Его настоящее найдет себе место в хаосе его будущих воспоминаний, и, если не совсем затеряется, то поблекнет, обесцветится...

А между тем, он отрекался, добровольно и сознательно отрекался от своего настоящего... Надоел ему не этот лес со своей непроходимой чащей, с оврагами и холмами, с просеками и берлогами, с сонмом пернатых и зверей... Надоело ему его одиночество — вечность. Душа устала, захотелось чувств, высоких и гордых, захотелось жить какой-то другой жизнью... Он знал, что в нем что-то живет, что-то скрыто. Зная, что это «что-то» стремится вырваться из окутывающих его цепей непонимания, он в то же время знал, что не в силах самостоятельно пробудить в себе чувства, и решил отправиться на поиски.

Но прежде, чем осуществить свое решение, он отправился искать мудрого совета к совам, с которыми жил всегда в глубокой дружбе, во взаимном уважении... И тот ответ, который он получил от своих мудрых друзей, заставил его еще больше задуматься.

— Ты сам не знаешь, чего хочешь, — хором сказали собравшиеся на совет в одном из дупл деревьев совы. — Не думаешь ли ты, что жизнь «там» менее монотонна, чем здесь?

— Она своеобразна... я часто бродил ночью по деревне.

— Глупо! — пискнула одна.

— Своеобразна, но не разнообразна, — заметила другая.

— Не думаешь ли ты окончательно переродиться?

— Духовно... да!

— Ты хочешь, следовательно, стать выше того, чем ты стоишь сейчас?

— Не то, не то... вы меня не понимаете.

И леший стал изливать перед собранием мудрых свою душу. В нем что-то горит и рвется наружу... Рвется и мечется... Выше того, чем он теперь, он стать не хочет и не может... Света ему дайте, только света! Этот

мрачный лес — мудрость, но мудрость тоскливая, холодная! Она давит к земле, а не возносит над землею. Холод кругом, холод в его душе... Ему хочется тепла, тепла, которое разгонит перед ним страх вечности, которое из этой вечности и одиночества создаст свет, яркий, притягивающий...

— Темно... — угрюмо произнес он.

— Зато «там» светло, — иронически усмехнулись совы.

— Там больше света, чем здесь... И я себя не обманываю.

— Но если там больше света, то почему же люди стремятся проникнуть в нашу жизнь? Почему в нашей мудрости, как ты говоришь, бледной и холодной, они видят залог чего-то необыкновенно светлого?.. Зачем они стараются переступить границы им предоставленного самой природой, как не для того, чтобы набраться этого света?.. Нет, друг мой, ты неправ. Ты хочешь мудрости, а сам жалуешься на холод вокруг тебя, вокруг твоей души, в самой душе... Ты хочешь теплой мудрости? Оставь... Мудрость только тогда мудрость, когда она, холодна, как лед. То, что люди в ослеплении называют мудростью, не мудрость, а... жалкая пародия на нее! Они невежественны, но горды и самолюбивы. Горды до смешного. И ты хочешь окунуться в их невежество? Ты сам не знаешь, чего ты хочешь!..

— Сам не знаешь, чего ты хочешь, — повторили за сказавшей это черной совой остальные совы, — брось эти глупые бредни и живи по-своему.

— Но какая же это жизнь! — в отчаянии воскликнул леший. — Разве вечное одиночество — жизнь? Вы вот живете целыми стаями, живете одними общими интересами, любите и оберегаете друг друга... А я... я вечно один. Брожу по ночам бесцельно по лесу и мщу первому встречному за свое одиночество... Разве это

жизнь? Вы мудры и говорите о мудрости и ее холоде... А ваша жизнь? Разве она холодная? Нет, в вас я не могу искать поддержки...

И леший, махнув рукой, в несколько прыжков достиг опушки леса и выскочил на дорогу.

— Пойду один, — решил он и, бросив последний взгляд на родной лес, окинув быстрым взглядом дорогу, вскочил с пня, на котором приютился, и стремглав побежал.

Он бежал, вздымая целые облака пыли. Бежал по ржи и пшенице, по клеверу и густой сочной траве... И от быстрого его бега пригибалась к земле колосистая рожь, ломалась пшеница, мялся клевер...

Он бежал в сторону деревни. Огоньки мигали ему навстречу, как бы кланяясь, мигали и один за другим тухли.

Луна скрылась за тучами и густой мрак окутал все кругом... Запахло дождем. От полевых цветов несло тонким ароматом... Пахло свежей травой.

А леший бежал... Бежал, не оглядываясь, боясь колебаний, боясь, что этот лес, видневшийся теперь далеко, далеко за холмами, снова заставит его вернуться.

II

Уже больше часа бежал леший. Из ноздрей его легкими клубами вырывался прозрачный пар, а на тонких губах выступила пена.

До деревни было уже недалеко, но он решил передохнуть.

Перед ним большое озеро, заросшее камышом и плесенью... Почти к самой воде свешивались плакучие ивы, застывшие, благодаря безветрию, в немой печали.

Ивы всегда печальны, их удел грустить...

В былые времена, я часто беседовал с деревьями... Лягу у самых корней на траву и беседую... И деревья мне отвечали... Я понимал их шелест, иногда сдержанный, едва слышный, иногда порывистый...

Дуб рассказывал о своем величии, и его плавная густая речь была пересыпана глубокомысленными метафорами... Бук-мизантроп красноречиво негодовал против насилия со стороны людей... Береза... та сентиментально жаловалась на свою судьбу... Сосна — и та, несмотря на свою гордость, снисходила до бесед со мною. Молчала лишь ива... Несмотря на все мои усилия, я не мог нарушить ее молчания. Грустно склонив свои ветви к воде, она печально-равнодушно смотрела вниз...

Леший остановился. С крутого обрыва ему открывалась, казалось, бесконечная полоса воды... Снизу доносилось кваканье лягушек, прерываемое неожиданным плеском... Где-то далеко, там, на другой стороне озера, где синел лес, блеснул огонек лесничего, блеснул и потух.

«Разве туда?» — подумал леший, но усталость взяла свое и он уселся на траву у самого обрыва.

В это время в деревьях послышался шорох и что-то чирикнуло. Чирикнуло раз, другой и примолкло, как бы прислушиваясь... Через минуту, однако, сделавшись смелее, птичка сразу перешла на высокую трель и залилась нежными, то тягучими, то сразу обрывающимися переливами...

Кто не слышал соловья? Кто не увлекался его дивным пением?..

И леший, которому, казалось бы, могло приесться подобное пение, пение, слышанное им ежедневно в родном лесу, затаив дыхание, слушал певца.

А соловей увлекался... Тишина ободряла его, и его трели стали подниматься все выше и выше...

«Славно поет, — рассуждал леший, — но о чем он поет?.. Все, что я могу разобрать, это восторженность в каждом звуке».

— Послушай!

Соловей умолк.

— Не бойся, это я...

— Леший?!

Соловей спорхнул с ветки и сел на куст.

— Ты какими судьбами здесь? — удивленно спросил он.

— Так... прогуливаюсь, — потупился леший, решив никому не открывать своих планов. — Что это ты пел?.. О чем?

— Как так о чем? О том, что...

— Я только и слышу от тебя хвалебные гимны, — прервал его леший. — Кому поешь ты хвалу? Не своей ли свободе?

— Чудак!.. В твоих словах желчь, — усмехнулся соловей. — Мой удел воспевать природу.

— Но за что же ее воспевать?.. Не за то ли, что, наделив одних, она обделила других? Не за то ли, что она создала тысячи разнообразных форм существования, положив уделом одних страдать, а других быть счастливыми?.. Наконец, не за то ли, что, создав человека, эту козявку, которую ничего не стоит раздавить, создав человека-козявку, она наделила его живым разумом, волей, а меня, носящего в себе высшую мудрость, ограничила в каждом движении, в каждом желании... Стоит ли хвалы несправедливость?!

— Ты богохульствуешь, — сказал соловей. — Бог дал каждому поровну... Если человеку Он дал разум, гибкий, подвижный и бесконечный, то не дал ему твоей мудрости... Дав человеку бесконечный разум, Он создал для него бесконечную мудрость... Пройдут сотни тысяч лет, миллионы лет, а человек всегда останется

человеком... Он постепенно будет познавать тайны природы, но никогда не достигнет конца своих исканий уже потому, что тайн этих столько, сколько капель воды на всем земном шаре. Понял ты, мудрец?.. Тебе природа дала сразу все, а человеку только способность постигать, постигать бесконечно...

— Ложь! — злобно воскликнул леший. — Со всей своей мудростью я не стою одной минуты человеческого страдания. Ложь! Я несчастнее человека и проклинаю такого Бога!..

— Молчи... молчи!.. Не смей так говорить!.. Бог дал тебе все и отнял то, чего ты не заслуживаешь... Чего тебе недостает?..

— Всего: тепла, свету, счастья! Всего... Даже слез не дал Он мне, чтобы я мог плакать, плакать так, как мне сейчас хотелось бы заплакать.

— Ты никому никогда не сделал добра, вот почему и не можешь плакать, — с сожалением в голосе сказал соловей. — Первые твои слезы должны быть слезами счастья, а в чем же счастье, как не в том, чтобы делать добро?

— Добро?.. Кому же мне делать добро? Может быть, птицам, которые сторонятся от меня? Или ящерицам и змеям, которые ни в чем не нуждаются? Может быть, этому самому человеку, который проклинает меня и боится одного моего имени? Наконец, в чем заключается это делание добра?..

— Глупый мудрец... Ведь ты же мудрец, — и соловей засмеялся.

— Будь проклята моя мудрость! — прошипел со злостью леший. — Она трактует только зло.

Он замолчал...

Соловей взглянул в даль и снова запел. Теперь лешему показалось, что он понимает это пение...

Соловей пел о солнце, о воде, о камышах... Сколько прекрасного видел он на своем веку!.. И обо всем этом он рассказывал...

И, как бы зачарованная его пением, луна выплыла из облаков, и светлый диск ее, улыбающийся и веселый, ярким пятном отражался на зеркальной поверхности озера...

Долго пел соловей... Не шевелясь, как изваяние, сидел леший и только тяжело дышал. Но вот песнь оборвалась... Соловей в последний раз протяжно свистнул, вспорхнул и улетел.

Очнулся и леший.

— Добро... — задумчиво произнес он, — попробую сделать добро...

Он вскочил и огляделся.

— В деревню, — и, прыгнув в воду, быстро поплыл он к другому берегу...

Вода была холодная. От его резких сильных взмахов по озеру пошли пенистые барашки и с шумом начали бросаться на берег. Его порывистое дыхание ветром понеслось вперед и, достигнув противоположного берега, ударилось на деревья... Зашелестела их листва, закачались верхушки... А леший плыл, минуя омуты и водовороты, плыл, не замечая начавшейся непогоды.

III

Близился рассвет. Нежным колоритом, бледным пурпуром вспыхнул небосклон.

Леший шел, задумчиво глядя себе под ноги. Мысли диким хаосом загромождили его мозг... Громадой своей они давили тисками его лохматую воспаленную

голову...

— Логики, логики!..

Он взывал к ней, к этой логике, но хаос оставался хаосом... Мысли перегоняли друг друга, путались, мешались...

Что-то настойчиво сверлило мозг, и, старясь уловить это «что-то», леший с безумной злобой, в бессилии кусал пальцы.

Он шел по тропинке через чащу леса. Первые лучи восходящего солнца проникали через густую листву деревьев и резкими желтовато-зеленоватыми пятнами скользили по мху и кустарнику...

Вдруг среди мертвой тишины еще не совсем проснувшегося леса, где-то впереди, за кустами, раздался едва слышный шорох и треск сухих сучьев.

Леший вздрогнул и инстинктивно остановился. Чьи-то осторожные шаги медленно приближались... Слышно было, как чья-то рука раздвигает сучья, ломает ветви. Перед глазами лешего успел даже промелькнуть между кустарником красный платок. Мелькнул и исчез...

Спрятавшись за стволом огромного суковатого дуба, леший растянулся в высокой, мокрой от недавнего дождя траве и затаил дыхание...

За кустами вторично мелькнул красный платок. Через минуту на тропинку вышла с корзинкой в руках молодая деревенская девушка... Осторожно ступая босыми ногами по траве, она внимательно оглядывалась по сторонам, останавливалась, раздвигала кусты и, быстро нагибаясь, ловко выкапывала из земли торчащие шляпки груздей и рыжиков... Когда она нагибалась, ее толстая золотистая коса, перевитая простой кумачовой ленточкой, тяжелым жгутом ниспадала через плечо... Когда она нагибалась, короткая синяя юбка приподнималась и открывала до самых колен строй-

ные девичьи ноги с упругими полными икрами.

Несколько раз она повертывалась лицом в сторону куста, за которым, тяжело дыша, сидел спрятавшийся леший...

Он видел ее румяное лицо с высокими дугообразными густыми бровями, с глазами, глубокими и огромными, светящимися голубоватым пламенем жизнерадостности и энергии, молодости и красоты, видел ее молодую высокую грудь, непослушно наполовину выбившуюся из-под белой сорочки, видел...

Что-то острое, новое и незнакомое с быстротой молнии пронизало все безобразное тело лешего. Он чувствовал напряжение своих нервов, чувствовал как бы раскаленное железо, прикоснувшееся к его затылку...

Туманом заволоклись глаза безобразного лесного бога... Какая-то дикая необузданная сила толкнула его вперед...

Она уронила свою корзину и с широко раскрытыми глазами, полными безумного ужаса, замерла на месте... Мертвенной бледностью сменился яркий румянец щек, а высокая грудь, высоко вздымаясь, трепетала...

И, стоя перед ней, нервно напрягаясь, леший, казалось, любовался ею, любовался ее страхом... Из полукрытого рта его с сухим хрипом вырывалось тяжелое дыхание... Глаза горели зеленоватым, то вспыхивающим, то потухающим пламенем... Горели пламенем змеи, страстным, насмешливым. Губы кривились и передергивались... Гримаса страдания, непонятного, мучительного, искажила все его лицо.

Леший страдал... Страдал от нахлынувшей, непонятной ему страсти... Страдал от безумного острого желания неизведанных наслаждений...

Он страдал, леший, страдал, стремясь к непонятному...

А это непонятное жгло ему грудь, сжимало горло, душило его. Это непонятное вихрем крутилось в его голове... И он страдал, бедный леший... Он, мудрец, язвительный, страстный, остановился перед непонятной ему тайной...

Зачем он стоит здесь перед ней, прекрасной девушкой! Бежать, бежать тебе надо!..

Беги, мудрец, беги от недоступных тебе тайн!

И он хочет бежать, но что-то приковало его к месту. Его взор впивается в ее огромные голубые глаза, с ужасом, не моргая, смотрящие на него...

Огонь его глаз, сверкающий фосфорическим светом, жгучий и властный, притягивает ее...

Медленно она подвигается к нему навстречу, трепещущая, безвольная... Безмолвно стоит он и смотрит... Смотрит пристально, как будто там, в ее глазах, кроется мучающая его тайна... Смотрит так, как будто там, в этих широко раскрытых зрачках, вместе с искрой ужаса и отчаяния, горит пламя этого «непонятного», проклятого и желанного непонятного...

Она подошла вплотную. Он чувствует трепет ее груди, струю горячего сдавленного дыхания...

Взор его жжет ее...

— Пощади, — прошептали дрожащие губы, — кто бы ты ни был, пощади!..

Дикий крик пересмешника истерическим хохотом пронесся по лесу... Замер вдали и эхом отозвался в чаще.

— А!.. Он смеется над ним, смеется над его мудростью, над его страстью?... Лес смеется над ним, над лешим!

И диким порывистым движением он обхватил ее стан своими мускулистыми руками, поднял ее с земли и побежал...

— Не смей! — крикнула чаща.

— Не смей! — отозвалось на тысячу ладов по лесу.

Но он бежал... Бежал через овражки и болота, прыгая, как пантера, через кусты и поваленные грозой деревья... Бежал с безотчетным желанием бежать...

И только тогда, когда поредели деревья и вдали зазолотились сквозь кусты поля с густой рожью, леший остановился.

Бережно положил он свою ношу в кусты и, скорчившись, тяжело дыша от усталости, сел рядом.

Разметавшись, с разорванной сорочкой и юбкой, она лежала перед ним, полуобнаженная, неподвижная...

И он смотрел на эту наготу, смотрел пристально.

— Хо, хо! — крикнул над его головой пересмешник.
— Хо... Глупый, бери же ее! Ты упускаешь свое счастье!

И огонек безумного желания снова загорелся в груди лешего.

— Счастье? Перед ним счастье?.. Эта глупая птица сказала, что это счастье!..

Но ведь он и ищет этого счастья... Он жаждет его, стремится к нему!.. Это счастье?.. О, он хочет его, хочет мучительно, безумно.

— Безумно! — проскрежетал он и упал с ней рядом на траву...

Очнувшись, но все еще с закрытыми глазами, она почувствовала его могучие стальные объятия, почувствовала безысходность его страсти и... безмолвно отдалась ему...

IV

Ожил угрюмый лес...

Безмолвно стоял леший с трясущимися губами, дрожа всем телом, перед своей жертвой...

Холодным безучастием светился его задумчивый взор, устремленный в даль, в глубь этого золотистого просвета опушки леса.

В душе лешего, страстной, порывистой, в его душе, могучей, возвышенной и экзальтированной, царил холод, холод мрачной осенней ночи.

Эта глупая птица!..

Это она указала ему на счастье, указала на этот единственный исход.

О, эти века, бесконечный цикл лет его существования!.. Эти бесконечные страдания одиночества... Эти века!.. Эти века, отравившие его душу... О, эта рутина, мрачная рутина безыдейного мелкого существования!.. Она задавила, придушила его... Она душила каждый его порыв, порыв к высоким чувствам, к светлым грезам...

А эти прекрасные грезы! Эти воздушные мечты!..

Он — леший, безобразен, безобразен до отвращения... Но разве гордость, самолюбие, ум... разве они способны возбуждать отвращение? А разве душа его безобразна? Разве мысли его не возвышенно горды? Разве он, леший, не стремится к своему идеалу?.. А самолюбие?

И эти дивные грезы... Он взлелеял их... Эти сладкие, опьяняющие воображение мечты... Он отдался им всей душой...

Зачем он существует? Всеми отвергнутый, неизвестный, зачем он живет? Во имя чего, во имя какого логического смысла он дышит этим чистым благоухающим смолистым ароматом лесов, ощущает прохладу холодных лесных ключей и ручейков!..

Зачем видит и ощущает палящие лучи полуденного солнца, смотрит на мириады блестящих звезд, покрывающих золотистым ковром ночной небосклон?

Зачем он живет?... Одинокый, никому не нужный, вечно злой и на себя и на природу, создавшую его, вечно недовольный, угрюмо-задумчивый. Он бродит по целым ночам по чаще, по рощам, по лугам, крадучись, как хищник, заглядывает в ближайшие поселки, деревни...

В сладострастном томлении беспредельной злобы, с постоянным вулканом неугасающей мести в душе, поджигает крестьянские избы, душит скот, мнет рожь и пшеницу.

О, проклятые века одиночества!..

Они разбудили зависть в его душе, бесконечную мучительную зависть к чужому счастью, к людскому счастью...

Все, что счастливо, должно сгинуть, перестать чувствовать, жить...

Все, что не тоскует, не мятется, все должно стереться с лица земли ненавистной ему природы, к которой он затаил ненависть в своей душе.

И он мстит ей, мстит...

Но грезы, воздушные, сладкие грезы!.. Невидимым роем нахлынули они к его страдающей душе. Яркой радугой осветили они его мозг... И он отдался им... Он отдавался им в ночной тиши родного леса, своей берлоги, уносился с ними в беспредельный океан фантазии, и жил... Да, в эти минуты грез и мечтаний он жил.

Но инстинкт брал свое.

Грезы отлетали так же внезапно, как и прилетали. Отлетали, оставляя осадок горечи и еще большей ненависти к действительности.

И он снова мстил...

.

«Что же со мной? — думал леший, стоя теперь над неподвижным телом девушки... — Эта глупая птица указала мне на счастье. Это острое, мучительное, мимолетное она назвала счастьем».

Он думал ощутить в себе новый приток сил и в изнеможении опустился на траву.

Но ведь счастье лучезарно!.. Ведь счастье — свет, ослепляющий, обновляющий!

Он искал в себе это обновление... но гордая энергия исчезла. На душе тот же осадок недовольства и... пустота... пустота... .

Счастье... Так это счастье?.. Это его грезы и мечты?

О, коварная природа!. Лживая природа, создающая эфемерные иллюзии!

И в бессильной злобе он бросился ничком на траву и зарыдал. Костлявые руки его скребли в бешенстве землю, а сам он корчился в судорогах беспредельного отчаяния, извивался всем своим длинным мохнатым телом.

А эта проклятая птица!.. Она снова хохочет, снова издевается над ним!.. О!..

И он рыдал, бедный лесной бог, рыдал, страшный даже в своей беспомощности.

V

...Снова померкло солнце... Снова засияли, мигая на небе звезды... Снова легкий зефир пронесся прохладной ласкающей волной по траве и окропил ее ароматной ночною росой...

А леший все еще неподвижно лежал, закрыв лицо руками, и чуть слышно стонал..

Ночные тени рождались и сгущались.

Он очнулся только тогда, когда услышал где-то вдали звон бубенчиков, донесшийся до него вместе со звуком лошадиных копыт и колес из глубины леса.

Тонкий был слух у лешего.

Он весь вострепнулся и, вскочив, стал прислушиваться.

Кого занесло сюда?..

Он огляделся и, только выйдя из-за кустов, увидел, что провел весь день на краю проезжей дороги. Глубокие колеи черными полосами виднелись во мраке и уходили дальше...

Леший припал ухом к земле...

— Тройка, — прошептал он...

Бубенчики быстро приближались. Уже не нужно было его тонкого слуха, чтобы ясно различить топот лошадей.

Он бросился к кустам. Бросился так стремительно, что споткнулся о неподвижное тело девушки.

Взор его снова остановился на ней... Затихшая злоба готова была снова вырваться наружу, когда новая мысль молнией мелькнула в его всклокоченной голове...

— Что с ней делать?..

Она не умерла, он это чувствует, прислонившись к ее груди, из которой вырывается едва заметное дыхание...

Она не умерла, но умрет, если останется здесь, одна, далеко от жилья... Ему вспомнились слова соловья и, сделав решительный жест, он подбежал к высокой сосне, стоящей на краю дороги и, прислонившись к ней плечом, что есть силы надавил на нее...

Что-то глухо треснуло и высокое гордое дерево, качнувшись плавно, с шумом, ломая по пути кустарники и сучья соседних деревьев, упало на землю поперек дороги.

Леший отскочил и злорадно усмехнулся.
— Добро, — процедил он. — Вот я делаю добро...
Бубенчики слышались совсем близко.

Стоя за кустом, леший наблюдал за поворотом дороги. Он видел, как показалась тройка в блестящей упряжи, запряженная в огромный дорожный тарантас с поднятым верхом.

Через секунду на дороге произошло смятение. Возгласы кучера, его понукания слились в одно с шумом копыт затоптавшихся на месте лошадей.

Проезжие остановились.
Леший грубо толкнул свою жертву ногой.
Девушка застонала...

VI

Он долго смотрел вслед удаляющемуся тарантасу, следил за облаком пыли, вздымающимся из-под его колес.

И что-то спокойное, радостное прилило к его сердцу... Это спокойствие разлилось по его жилам, успокоило его мятежную, бурлящую кровь...

И он захохотал. Захохотал в порыве непонятной ему радости, захохотал диким самодовольным смехом.

Угрюмый лес вторил ему... Вторили ему деревья и кустарники, вторила зияющая мрачной пастью ночи зеленая чаща...

Шумели развесистые деревья... потрескивал валежник, истерическим смехом заливался вдалеке пересмешник...

Леший хохотал, извиваясь в дикой пляске, взвизгивал в диком упоении...

— Чего ты? — крикнула меланхолично сова.

Этот окрик привел, казалось, лешего в себя. Его душил смех, но, умолкнув, с горящими глазами, он гордо посмотрел туда, где в темноте светились неподвижным зеленым пламенем глаза совы.

— Что с тобой? — повторила та.

— Радость!.. — закричал леший. — Радость, радость!.. Понимаешь ли ты, что такое радость? — Он снова захохотал.

— Мог ли я думать, что способен сделать добро?.. Да, да, добро. А я его сделал... Понимаешь?.. Сделал в первый раз в жизни!..

— Добро?.. — удивленно спросила сова.

— Да, да, настоящее добро. Ты видела сейчас людей? Они подобрали девушку, принесенную сюда мною... Если бы я не преградил им дороги, сломав дерево, они проехали бы мимо. Проехали бы и оставили ее умирать здесь...

Я хочу награды! — топнул он гневно ногой. — Люди счастливы, потому что делают добро... Я требую себе долю этого счастья. Требую! Требую!..

— Счастья?.. Тебе еще мало того, что ты получил? Ты ненасытен. Глупец, то, что ты нашел, и есть счастье... Если хочешь, люди не счастливее тебя. Ты испытывал то же, что испытывают они, испытывают ежечасно, ежеминутно... Ты нашел счастье, гордись им... — и, сказав это, сова иронически усмехнулась.

Все существо лешего как-то съежилось.

— Счастье? — воскликнул он. — Быть рабом значит быть счастливым? Не я глуп, а ты!.. Ты чувствуешь только дыхание ночи... Ты раба ее, бесчувственная, холодная. Этот миг наслаждений — цепи! Цепи, оковы-вающие и тело и душу... Счастье? Цепи — счастье?

Нет, нет. Только свободный может быть счастливым. Я поддался минуте и сделался рабом, но рабом лишь одного мгновения. Если счастье в наслаждениях тела,

то это омерзительное счастье, грязное, мелкое!

Я не нашел его, но я чувствую его величие, его захватывающую власть, чувствую его постоянство, неприкосновенность...

В преклонении счастье... а не в рабстве!

VII

Леший больше не смеялся. Он шел молча. Изредка останавливался у ручья, ложился на землю и, напившись студеной воды, садился на берегу и отдыхал.

Шли дни за днями... Розовел небосклон, подымалось солнце, грело своими палящими лучами и медленно подвигалось к закату. Пурпуром разливалось по горизонту, ярким отблеском своего зарева окрашивало поля, болота, реки и леса и... исчезало.

Шли дни за днями... Сгущались тени, темнели мрачными пятнами, снова оживали и снова темнели.

Леший шел... Днем лесами и рощами, ночью проселочными дорогами, деревнями, усадьбами. Переплывал через реки и озера, перелезал через плетни и заборы.

Какая-то сила толкала его безостановочно вперед. Какой-то таинственный голос шептал ему «иди»...

И леший шел...

VIII

Предоставим на время лешему идти по пыльным дорогам, предаваясь своим мечтам... Он идет, не оглядываясь ни назад, ни по сторонам... Идет, не замечая

пи дня, ни ночи... Идет, влекомый жаждой к светлым и чистым чувствам, упрямый и злой в своих желаниях, непоколебимый в своих влечениях...

Пусть он идет, страстный мудрец!.. Пусть идет туда, куда его тянет... Если его цель не пространство, не вселенная, он достигнет ее.

IX

...Она была дивно хороша... Вся в белом, с легкой шелковой шалью на голове, привидение, она привидением скользнула на террасу, тенью мелькнула на дорожке, залитой бледным светом луны, и скрылась в мраке густого парка.

Старый парк!.. Веками разрастался он. Веками стоял он здесь, молчаливый, задумчивый... Сколько тайн поведали ему эти века... Сколько прекрасного видели его могучие старые дубы, ели, березы... Сколько ужасного могли бы поведать людям развесистые каштаны, пахучие липы, стройные тополя... Цепкий боярышник, дикая малина, заброшенные клумбы... Ветхие скамейки, побуревшие, с едва заметными следами зеленой краски... Дорожки, заросшие травой и диким бурьяном... Стариной, далекой, легендарной, веет от всего этого. Покосившиеся набок беседки и павильоны с фантастической резьбой, поломанной, стершейся... Из мрака глядела эпоха, далекие времена родовитых бояр и вельмож, времена крепостничества, сказочного богатства и своеволия. Мрачно глядел старый парк.

Но, изрезанный по всем направлениям обвалившимися теперь канавами с перекинутыми через них и местами провалившимися мостиками, он все же был прекрасен, старый вековой парк.

Прекрасен своей тоскливой, полной жуткого чувства тишиной... Прекрасен своим величавым таинственным спокойствием...

Его оставили в покое. Много хозяев перебывало в запущенной старинной усадьбе, но никто из них не решился его расчистить. Как будто эти люди понимали, что выполоть дорожки, подстричь деревья, — значит совершить святотатство, нанести старику неизлечимую, незаслуженную рану...

Величавый, он таинственно тянулся далеко, далеко... Там, дальше, за болотом шли леса и рощи...

.

Она была дивно хороша... Мрак тенистой аллеи скрывал черты ее лица, но сквозь дымку невольно чувствовалась вся прелесть ее вдохновенного лица, прелесть и трепетание ее упругой груди, стройность тонкого стана...

Песок скрипел под ее ногами, когда он шла... Трава колыхалась и шелестела от дуновения ее длинной одежды...

Местами, где редели каштаны, в аллею проникал сквозь густую их листву белый свет луны... Неподвижными пятнами лежал он на траве, мелькал на сложенных скамейках, бесформенных глыбах мрамора, изображавших когда-то статуи богов.

И еще таинственнее казался от этого старый парк... Его жуткая щемящая тишина как бы предостерегала от чего-то...

Прекрасная женщина в белом шла вперед быстро и уверенно. Она привыкла к этой тишине... сроднилась с этими густыми тенистыми аллеями... Она доверчиво, смело углублялась все дальше и дальше... Легко

перепрыгивала через мелкие канавки, заросшие папоротником, осторожно ступала по мостикам и все шла...

Остановилась она только тогда, когда перед ней бесконечной серой полосой открылось непроходимое болото. Густая пелена белого сырого тумана легким пологом реяла над ним... Затхлостью испарений тянуло от него...

Тяжело вздохнув, кутаясь от сырости в свою прозрачную шаль, она опустилась на уцелевшую скамью. С минуту, казалось, она прислушивается... Недалеко в кустах что-то треснуло, но сейчас же снова затихло.

Широко размахивая крыльями в воздухе, пролетела большая летучая мышь и жалобно пискнула.

Свет луны теперь открыто падал на ее фигуру, на ее лицо. Матовая бледность покрывала его... Глаза, огромные, глубокие, светились лихорадочным блеском решимости и нетерпения. Устремленные в туманную даль болота, они горели огнем гордой самоуверенности.

Она ждала чего-то... Иногда нервно вскакивала, топала ногой и кусала губы... Была минута, когда терпению ее, казалось, пришел конец. Она решительно поднялась и направилась обратно к чернеющему входу в аллею...

В это время в кустах снова что-то зашуршало и на полянку как раз перед ней вышла высокая фигура в черном.

Скрестив на груди руки, она неподвижно остановилась перед ним. Румянец волнения покрыл ее бледные щеки...

— Наконец-то!.. — бросился он к ней.

Бросился и сжал в своих объятиях... Он покрывал ее лицо жгучими поцелуями, целовал ее руки, волосы, шею... И она не сопротивлялась... Только грудь ее высоко вздымалась, только руки ее судорожно обхва-

тили его шею и головка беспомощно опустилась к нему на плечо...

Медленно, не спуская друг с друга глаз, они дошли до скамьи и опустились на нее...

— Люби меня вечно так, — шептал он дрожащим страстным голосом, — вечно, вечно... Грей мою душу огнем твоих чудных глаз, томи меня своими поцелуями... люби меня... вечно, вечно!.. Без тебя я не живу... Мое солнце, мой воздух в тебе, в одном прикосновении, в одной рукопожатии... Я изнемогаю от желания тобой завладеть, я жажду тебя!.. Хочу страстно... хочу!..

Он впивался в ее губы безумным сладострастным поцелуем, прижимал ее к себе судорожными сильными объятиями и шептал... Шептал страстные слова любви, безумия... желания... Зачарованная, она припала к нему, слушала и отдавалась ласкам...

— Мы уедем с тобой... — продолжал он, — уедем далеко-далеко, заберемся в самую чащу дремучих лесов, в пустыню пойдем, лишь бы быть вдвоем, одним... Ты и я, только мы!..

И, говоря это, он сжимал ее в своих сильных объятиях все сильнее и сильнее.

Говоря это, он склонял ее все ниже и ниже на скамью... И она безмолвно, закрыв глаза, уступала...

.

Чья-то тень мелькнула на поляне, и дикий хохот раскатисто, визгливо пронесся среди мертвой тишины парка, пронесся и поплыл затихающим эхом по болоту.

— Ха! ха! ха! ха! ха!.. ххха!.. ахххаха!.. ааа... хха... ххаааха... ха!

Леший хохотал, катаясь по траве... Хохотал сумасшедшим хохотом, пронзительно, визгливо...

Они оба вскочили в испуге... Она отбежала от него и, приложив руку к сильно бьющемуся сердцу, молча стояла, бледная, взволнованная.

Он хотел подбежать к ней, сделал несколько шагов, когда та же безобразная фигура лешего молча остановилась на его пути, отделяя их друг от друга.

Он стоял, подбоченясь, выставив вперед одну ногу и откинувшись всем корпусом назад... Стоял и смеялся.

— Кто ты? — отскочил тот от него.

— Я?.. Леший!.. — сказал он. — Тоже ишу счастья... Тоже нашел его, как и ты. Тоже обманут, как и ты.

Он снова засмеялся, зло, ехидно...

— Вы, люди... живете ложью, иллюзией... Ваши чувства лживы, но вы верите им... Ты взял ее и думаешь, что счастлив?.. Ложь! Счастье чисто, как кристалл, безоблачно, как голубое небо... Ты загрязнил ее!.. Мгновение твоих наслаждений — мгновение ее падения. А разве счастье — падение? Ложь! Счастье — пьедестал, и что он недостижим для вас — людей, я теперь вижу...

Посмотри, как она прекрасна!.. Но разве она чиста?..

Я мог бы вам помешать, но я не хотел... Я хотел, чтоб вы обманулись так же, как обманулся я. Ты хотел счастья! Значит, не обладая ей, ты не был счастлив?.. Нет, потому что ты ей теперь не обладаешь... Значит, за несколько минут ты нашел и потерял счастье?!. Ха-ха!.. Глупцы!..

Леший побежал к ней.

— Хочешь знать, в чем счастье!.. — крикнул, хохоча, — в поклонении!..

А разве смерть не достойна этого поклонения?.. Разве не она спасает человечество от лжи и обмана, от грязи?..

Он в иступлении, увлекаясь, заломил руки...

— О, сколько бы я дал, чтобы умереть!.. Чтоб перестать вечно жить. Перестать быть безвольным рабом проклятой природы!

Он схватил ее за руку и потащил к обрыву в болото. Здесь, на краю, он остановился.

— Посмотри на лунный свет. Как он чист и ясен... Ты была такой же чистой. Посмотри на небо, на звезды. Как оно прекрасно, безоблачно теперь! Ты увлеклась чистым чувством, не чуя в нем лжи... Оно казалось тебе прозрачней небесной лазури, глубже небесного свода... Но ведь небо коварно! Небо лживо!.. Сегодня оно безоблачно, завтра хмуро, покрыто тучами, серыми, тяжелыми...

Ты боишься этого болота... Боишься его спокойствия, однообразного... серого... Ты боишься постоянства... Но ведь в нем смерть! Справедливость!..

Ха, ха, ха!.. — засмеялся он. — Ты боишься его?.. Посмотри, оно зовет тебя, тянет... На дне его тайна счастья. Не правда ли, ты хочешь его увидеть? Иди же... иди!.. Ха, ха, ха!!

И он упал на траву, хохоча и взвизгивая... Пена выступила у него на губах, глаза налились кровью и расширились...

Ее пронизывала дрожь... С ужасом отвращения смотрела она на то, что безобразным мохнатым клубком каталось перед ней на траве и изрыгало страшные стоны и проклятия. С чувством ужаса и омерзения она закрыла лицо руками и замерла...

В немом оцепенении стоял он и мертвенная бледность покрывала его красивое лицо.

Появление безобразного существа, оборвавшего его страстный порыв, их одиночество, было столь неожиданно, что он не успел еще опомниться... В душе его пробудилось только безотчетное чувство пустоты, тос-

ка о каких-то несбывшихся надеждах... И чувство этой тоски смешалось с чувством страха, бессмысленного, тупого страха...

«Галлюцинации... — мелькнула мысль. — Галлюцинации... Расстроенное воображение...» И сильным порывом воли он заставил себя решительно шагнуть вперед...

— Уйдем отсюда!.. — воскликнул он. — Здесь слишком тихо, слишком мрачно... Уйдем!

И, обхватив ее за талию, он повлек ее за собой... С секунду она не могла еще прийти в себя, но вдруг, как бы очнувшись, порывисто прижалась к нему и побежала...

Они оба бежали, взявшись за руки.

А за ними вслед неслись дикий, безобразный смех... Он то перегонял их, то затихал вдали, вырывался с визгом из кустов, шипел и надрывался из темных аллей... Он, бешеный, злобный, насмешливый хохот, преследовал их неотступно, леденил кровь, холодом пробегал по спинам, стучал в висках...

О, как бесконечен парк!.. Как извилисты, запутаны его дорожки!..

— Скорее... Скорее...

...Он убивает, этот раскатистый дикий хохот!..

Х

.
.
.
.

Большая комната с темными обоями тонет в зеленоватом полумраке ночника на круглом столике... Дрожащая тени ползают и волнуются по мягкой старинной будуарной мебели, двигаются угловатыми пятнами по узорчатым стильным оконным занавесям, по портьерам... по кисейному пологу кровати, стоящей в небольшой и неглубокой стенной нише...

Как раз напротив этой кровати чернеет большая стеклянная дверь балкона. Тяжелая зеленого шелка портьера плотно прикрывает ее. Мерное дыхание доносится из-под кисейного полога... Тревожный, кошмарный, но крепкий сон царит здесь. Кошмарный... Кошмарный потому, что нет сладких грез, убаюкивающих сладостных мечтаний. Порабощенная ужасом душа, изнемогшая от внутренней борьбы, от внутренних переживаний, притихла... Теплится лишь мысль, легкая, никогда не засыпающая, вечно-подвижная и беспокойная... Теплится мигающим, непотухающим огоньком...

И этот огонек разрастается, увеличивается... Ярким, жгучим пламенем вспыхивает он... Лавой, палящей, тяжелой и смрадной, душит, томит...

Кошмары, дикие, спирающие дыхание, непрерывной волной проносятся над чудной головкой, потонувшей в тонких кружевах белоснежных подушек... Они несутся из пространства в пространство... бесформенные, безобразные... и давят...

Душно!.. душно...

Но сон крепок... И потому, что он крепок, он так мучителен...

Этот безобразный мохнатый клубок!.. Он — этот кошмар, вертясь безостановочно, приближается к ней... Хочется кричать, но что-то сдавило горло... Хочется встать, но что-то властно приковало ее к белоснежной кровати...

Душно!.. Душно...

.

И, метаясь во сне, она не видит, не чувствует, как на балконе что-то скрипнуло и между раздвинувшимися портьерами просунулась мохнатая безобразная голова...

Она не чувствует, как чья-то тень, неслышно ступая по пушистому ковру, крадучись, подбирается к ней и садится на кресло у ног...

Она безмолвна в крепком сне...

Но что-то зовет ее... Простирает к ней руки... Чьи-то рыдания, странные, но искренне-мучительные, надорванные, гармоничными аккордами льются ей в душу... Чье-то прохладное, оживляющее дыхание... колыхнется здесь, около нее, так близко, близко...

Рассеялся тяжелый сон... Она потянулась, блаженно улыбаясь и... проснулась. Она ничего не увидела из-за полога... Но то, что она услышала, заставило ее притупить дыхание...

До нее явственно доносились сдержанные рыдания и всхлипывания.

— Кто тут? — испуганно прошептала она и раздвинула кисею.

С кресла поднялась высокая мохнатая фигура лешего.

Нельзя было узнать безобразного лица бедного лесного бога. Оно осунулось и как бы сразу похудело... Глаза, всегда дикие, с вращающимися белками, вечно насмешливо прищуренные, сияли теперь мягким грустным светом... Зачарованные, они безмолвно и кротко смотрели на нее...

— Это я... — прошептал он. — Я, нагнавший на твою душу столько страха... Я, своим отчаянием и досадой возмутивший твой покой... Не гони меня...

Не гони, потому что я так несчастен!

Он упал перед ней на колени и заломил руки.

— Не гони меня.

Она откинулась на подушки и, подперев локтем голову, молча смотрела на него. И странно... в душе ее не было страха...

— Но кто же ты?.. Человек, призрак?.. Я не гоню тебя, но кто же ты, ворвавшийся ко мне ночью, без позволения?..

Она скорее мысленно, чем шепотом произнесла это.

— Кто я?.. Я тебе скажу, кто я, только ты не пугайся... Верь мне, что я не зло для тебя, что я не сделаю тебе вреда... Верь мне и... дай твою руку... Дай мне ее... твою прекрасную руку. Я буду держать ее в своих безобразных руках, и во мне утихнет бушующая в груди злоба и ненависть... Дай мне твою руку...

Он произнес это таким умоляющим, детски-робким голосом...

Она смело и испытующе на него взглянула и быстро протянула ему левую руку...

— Возьми... я верю тебе... — произнесла она.

Он страстным, порывистым движением схватился за эту прекрасную мягкую женскую руку.

— Она красива и нежна, твоя рука... — сказал он, сжимая и гладя ее. — О, сколько силы и мощи в одном ее прикосновении... Я чувствую, как мучительная горечь исчезает из моей души...

Зачем ты отдалась ему!.. — воскликнул он вдруг страстно. — Зачем ты, чистая душой, не чиста!.. Зачем позволила осквернить себя!..

Она нежна, твоя рука... О, не смотри, что я так бе-

зобразен... Дай мне возможность хоть на минуту забыть об этом...

Ты хочешь знать, кто я?..

Она молча кивнула головой... .

— Я одно из странных творений природы, — начал он тихо и мрачно. — Она, эта природа, взяв ком земли, серой, однородной, создала человека... Смешав воду с солнечными лучами, она создала растения, цветы, деревья... Собрав самое ничтожное, она создала самое прекрасное!.. Людей, зелень, птиц, рыб, зверей... Она, эта природа, довольна своим творением.

Он нахмурился.

— Меня она создала из отбросов всего того, что сотворила до меня... Горячий песок пустыни она предназначила для моего сердца, блеск молнии моим глазам, моей голове... Бесформенный, необтесанный осколок гранита она дала мне для тела... Создав человека — прекрасное — из ничтожества, она из того же ничтожества создала меня — безобразное!..

Если бы ты знала, как проклинаю я ее за это!.. Если бы ты знала, как я страдаю за свое безобразие!..

Она коварна и лжива!

Она дала мне душу... Зачем она дала мне душу?.. Своевольную, злую душу... Душу с огнем страсти, — нет, нет, не страсти... страстей!..

Она усилила этим мои мучения, усилила злобу, ненависть, безумие кровожадной беспредельной мести... Я стал завистлив и мстителен. Я знаю, что люди не виноваты, но я мщу им, чтобы мстить природе!.. Я мщу ей за свое безобразие!..

О, какое удовольствие доставляет мне эта возможность нарушать гармонию, созданную самим Небом.

Но после каждой мести... я страдаю... Страдаю, потому что, разрушая, не вижу конца этому разрушению... Природа созидает вечно, вечно. И я, я тоже раз-

рушаю вечно. Вечно, потому что я сам вечен...

Пойми, что сколь прекрасна жизнь, смерть во сто крат прекрасней!.. И эта смерть, прекрасный конец прекрасного начала, дана в удел людям. Дана людям, но не дана мне...

Ты... ты в каждую минуту, в каждую секунду, момент, вправе требовать расчета с жизнью... А я...

Лицо лешего нервно передернулось.

— Я... я умереть не могу...

Он молча гладил ее руку, которая теперь дрожала...

Молча смотрела она на него...

— А между тем, — продолжал он страстно, — и мне, и моей душе хотелось тепла, хотелось сладкого удовлетворения... И мне хотелось высоких, светлых чувств... Хотелось тихого покоя... Совы — мудрость моего родного леса. Она, эта мудрость, не признает тепла, света... Мрачная и холодная, она пророчит свет рабу. Но я... я не раб!.. Я не раб своих страстей!.. Я их господин! Да, да... Если я раб, я раб своего права... Раб своей души, ее подобия с душами людей... Я горд... Во мне есть самлюбие, сильное, могучее.

Я мелочен только для мелких людей, низок для низких, но для гордых, сильных... О!.. я мощь и та же сила!..

Как прекрасна твоя рука... И ты вся... вся прекрасна и дивно хороша. Я искал счастья... Счастья не грязного, пошлого, того, которое я испытал на одно мгновение... Счастье не острое... а тихое, спокойное... Счастье, которое возносит, а не низвергает!..

Такое счастье только в поклонении... Ты прекрасна, ты дивно хороша и я... я...

Леший вскочил и нахмурился... Неожданная искра злобы блеснула в его глазах и эти глаза зажглись фанатическим пламенем мести, лишь мести...

— Я... — продолжал он уже громко, почти крича, — я... готов был уже преклониться перед тобой, преклониться перед твоей красотой. Сколько лет ждал я этой минуты, ждал с терпением, безумным, гигантским терпением!...

Красота... в ней счастье, в ней восторг, блаженство, упоение!..

Она — гармония. Дивная гармония всего, что нераздельно, постоянно, вечно.

Она...

Как прекрасна твоя рука... Но почему ты — чистая — нечиста?

Ураганом вырвался из его груди вопль. Он застонал, заскрежетал зубами и заломил в бессильной ярости руки.

— О!.. Зачем ты не чиста? Зачем ты отдалась ему? Зачем!.. Красота... она только тогда красота, когда чиста и непорочна. Она только тогда красота!..

О, зачем загрязнила ты себя?! Ты, прекрасная?!

Я преклонился бы пред тобой, я ползал бы у твоих ног, исполнял бы каждое твое желание. Я был бы счастлив!..

Он упал на ковер и зарыдал.

— О, пощади... ты так безжалостен, — прошептала она, падая на подушки. — Ты не понимаешь... не понимаешь, что такое... страсть... Ты не понимаешь любви... любви самоотверженной... любви властной!..

— Любви? — вскочил он. — Любви?!.

Ха-ха-ха-ха!.. Так любовь значит падение?!.

Ха-ха-ха-ха, — засмеялся он. — Полюбить значит отдать себя на поругание? Нет. Нет... Ты прекрасная, ты не можешь так думать, не можешь!.. Беги к болоту... Беги, там мудрость, там истина!.. Иди скорее к болоту — там смерть. Спешу, пока ты не увязла в тине страсти... Любовь?!. ха-ха, ха-ха-ха-ха!!.

Он подбежал к ней и схватил ее за руку.

— Пойдем к болоту, пойдем... — зашептал он страстно... — Оно холодное, но правдивое. Мертвая там, ты будешь прекрасна и чиста. Живая здесь, ты будешь обманчиво прекрасной, но грязной, омерзительной!.. Пойдем к болоту, — шептал он, — пойдем...

И, несмотря на ужас в ее глазах, она покорно встала... Встала в одной сорочке, с распущенными волосами, дивно прекрасная в своей полунаготы...

Встала и молча протянула ему руку.

— Идем!.. бежим... — шептал он, и глаза его горели безумным фанатическим огнем.

— Скорей, скорей... Я мигом донесу тебя... Скорей!..

Он схватил ее в свои мускулистые объятия и выбежал на балкон. Остановился, осмотрелся и, дико захотав, спрыгнул с высоты вниз на траву...

Его прерывистое дыхание ветром пронеслось по молчаливому парку. Зашелестела листва... Закачались, за скрипели каштаны и тонкие липы... Темное облачко заволокло луну и мраком упала его тень на землю.

— Скорей, скорей... — шептал он и стремительно бежал...

Ужасом горели ее глаза во мраке... Белая сорочка развевалась по ветру, разрывалась о сучья и кустарники.

Вот и болото... Тот же белый смрадный туман парит над ним, так же мрачно, серо и однообразно тянется оно широкой полосой вдаль...

— Вот здесь!.. — подбежал он к его краю. — Вот здесь, — указал он ей вниз, указал и с мучительным выжиданием страстно взглянул в ее прекрасные, затуманенные слезами глаза.

— В этом ли очищение? — прошептала она чуть слышно, вся дрожа.

— Здесь смерть — красота... — повторил он упрямо.

— Но ведь... жизнь так прекрасна!.. — подняла она в отчаянии руки к небу...

Он засмеялся.

— Прекрасна?.. Жизнь?.. Ха, ха!.. Она прекрасна, как и ты, но ведь ты прекрасна и грязна!.. Кто не знает, тот назовет тебя чистой, но ведь ты грязна, не чиста!.. Жизнь прекрасна?.. Она прекрасна, как и ты!.. — и он опять засмеялся.

Она вздохнула и подошла к краю. Взглянула и содрогнулась...

— Смерть... — прошептала и шагнула в пространство.

XI

...Он молча сидел на краю болота, подперев подбородок согнутыми коленями... Сидел и смотрел вниз. И искры страстного огня метали его глаза...

— Теперь ты чиста, — шептал он, — чиста и прекрасна. Я вижу тебя лежащей на дне... И мертвая ты еще прекрасней. Пускай тебя облипла тягучая смрадная тина болота, она во сто крат чище дерзких прикосновений, хотевших тебя...

Я счастлив, счастлив, что вижу тебя чистой!..

О, красота!.. Ты — гармония... Гармония всего, что нераздельно, постоянно, вечно!.. Я преклоняюсь перед тобой, ты мой алтарь, кумир, бог!..

ЭПИЛОГ

Читатель, вы недоумеваете... Перед вами утопическая картина сумасшествия. Вы негодуете...

Бедняга Борич... Нет, он был не сумасшедший. Он был идеалистом, строгим, неумолимым... Идеалистом — фанатиком!..

Он, мятущийся, одинокий, встретил девушку, которую полюбил первой любовью, полюбил своей любовью — чистой, идеальной.

Она изменила... Могла ли страстная и самолюбивая его натура перенести этот удар? Пусть судит сам читатель...

Но, бросив ее, изменницу, в болото, он, безобразный Борич, был в своем уме.

Текст публикуется по первоизданию: Рессер С. Леший: Фантастическая сказка-поэма. СПб., тип. А. С. Суворина, 1910. Орфография и пунктуация приближены к современным нормам. В оформлении обложки использована работа А. Бёклина. Какими-либо сведениями об авторе мы не располагаем.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.